

политика

А.А.Галкин

ПРОТИВОРЕЧИЯ И УГРОЗЫ XXI ВЕКА¹

¹ В основу публикации положен текст лекции, прочитанной на IV Всероссийском Конгрессе политологов 20 октября 2006 г. При этом автором были использованы материалы исследования, проведенного им при поддержке РГНФ совместно с Ю.А.Красным.

Интерес к тому, что несет нам XXI столетие, вспыхнувший с особой силой в преддверии двухтысячного года, не угасает. Книги и статьи на эту тему появляются с завидной регулярностью. И главное – их читают и обсуждают, вкладывая в дискурс немалую долю экспрессии. В то же время заметно меняется содержательный стержень этого интереса.

В 90-е годы прошлого века он был окрашен преимущественно в розовые цвета. Предполагаемое будущее рассматривалось чаще всего сквозь призму эйфории. Представление о нем формировалось главным образом как антитеза тому, с чем сталкивалось человечество в уходящем веке, с его мировыми войнами, революциями и контрреволюциями, голодом и эпидемиями, унесшими миллионы жизней, конфликтами между метрополиями и колониями и т. д. Казалось, что с приходом знаменательной даты, маркирующей начало нового тысячелетия, оно вступит в принципиально иную эру, в которой мир, справедливость и согласие потеснят насилие, эгоизм и нетерпимость. При этом обычно забывалось (или игнорировалось) то, что позитивные процессы, фиксируемые в последней трети XX века, затронули лишь поверхностный слой происходивших событий, что основные проблемы и противоречия, с которыми пришлось иметь дело человечеству, так и не нашли разрешения и были в лучшем случае приглушены и приглажены, что их дальнейшее развитие неизбежно будет придавать им дополнительную остроту.

Первое, еще не завершившееся десятилетие XXI века приглушило эйфорию. Появился привкус тревоги, который можно ощутить и в оценках будущего, появившихся последнее время. Тревога – это еще не знание, но, тем не менее, своего рода общественный заказ на него. И ответить на этот заказ надлежит не общими рассуждениями и предположениями, отражающими не столько объективную, сколько желаемую, виртуальную действительность, но вычленением и взвешенной оценкой наиболее четко проявляющихся тенденций современного развития, их влияния на мировой социум и определением вероятности (или невероятности) их последующей реализации. Попытаемся продвинуться по этому пути.

Первичные противоречия и угрозы

В интересах большей стройности изложения условно расчленим нынешние противоречия и угрозы на первичные, вторичные и третичные. К числу первичных отнесем те, которые непосредственно обуслов-

лены главной проблемой современного человечества: его катастрофически возрастающим давлением на окружающую среду.

Проблема эта тщательно и детально рассматривалась в прошлом, особенно во второй половине XX века. Результаты проделанной работы позволили создать важные заделы для последующих усилий. Вместе с тем представляется, что при ее анализе были допущены некоторые серьезные методологические ошибки.

Во-первых, она трактовалась по преимуществу как количественная, определяемая растущей численностью населения. Это наложило заметный отпечаток как на характер рекомендаций, так и на предпринимаемые конкретные меры. Однако, при всей важности данной стороны дела, проблему она не исчерпывает. Не меньшее значение имеют качественные параметры, прежде всего возрастающее давление, обусловленное, с одной стороны, техническим и технологическим прогрессом, а с другой – основанным на нем ростом потребления естественных ресурсов в расчете на отдельного индивида. Иными словами, воздействие мирового социума на окружающую среду – явление многостороннее. И возрастать оно будет в обозримое время даже в том случае, если рост численности населения Земли прекратится.

Во-вторых, в прошлом явно недооценивались темпы обострения проблемы и, соответственно, реальные сроки наступления ее последствий. Предполагалось, что у человечества достаточно времени, чтобы осмыслить происходящее и принять надлежащие меры. Подобный подход стимулировал благодушие, порождал пассивность, культивировал ставку на то, что все в конечном итоге «само собой образуется».

В-третьих, противодействие возрастающему давлению рассматривалось как преимущественно экологическая, частная социальная или медицинская задача. При этом нередко упускались из виду его общесоциологические и общественно-политические последствия. Поэтому их масштабы оказались во многом неожиданными не только для широкой публики, но и для тех, кто должен был быть подготовлен к ним по роду своей деятельности.

Реальные последствия допущенных просчетов рельефно проявились уже в первые годы нового века. Парниковый эффект, обусловленный нарастающим выбросом в атмосферу продуктов горения (при сжигании органического топлива в атмосферу ежегодно попадает около 11 млрд тонн углерода, что составляет около 20% его естественного оборота между атмосферой и живой природой) уже привел к трудно обратимым изменениям в климате Земли. В Альпах и на Кавказе ледники уменьшились наполовину, в Африке, на горе Килиманджаро – на 73%. Тают ледники в Гренландии, сокращается толщина ледяного покрова Северного Ледовитого океана. Меняются направления морских течений. Колеблется тепловой режим обширных регионов. В одних фиксируются небывалые пики жары, в других – нехарактерно низкие температуры.

И это только начало. По расчетам Всемирной метеорологической службы, к 2050 году повышение температуры на планете составит 2–3,5 °С. Если сбудутся эти прогнозы, то уровень Мирового океана поднимется настолько, что произойдет затопление плотно заселенных районов у речных дельт в Западной Европе и Юго-Восточной Азии.

Участились мощные землетрясения. Если в первой половине XX века было зарегистрировано 15 землетрясений мощностью свыше 7 баллов, то во второй половине столетия их было 25. Аналогичная тенденция была отмечена и в первые годы XXI века. Землетрясения распространяются на традиционно сейсмические районы мира. Увеличивается число опустошительных ураганов, смерчей, цунами, катастрофических наводнений – в том числе там, где их не было испокон века.

Все более рельефной становится угроза, что некоторые, в том числе густо населенные, регионы превратятся в территории, непригодные для обитания человека. Вероятные последствия этого нетрудно себе представить.

Нарастающая опасность мультиплицируется еще и тем, что реакция мирового сообщества на кризисное развитие биосферы несопоставима с масштабами нависшей угрозы. Ленивые телодвижения в связи с нарушением климатического равновесия (первая Всемирная конференция по окружающей среде, состоявшаяся в 1972 г. в Стокгольме, и вторая – Рио-де-Жанейро, июль 1992 года) не привели к сколько-нибудь существенным практическим решениям. Реальный сдвиг наметился лишь на Экологическом конгрессе в Киото (1997 год). Согласно утвержденному Протоколу, присоединившиеся к нему страны взяли на себя обязательство снижать выбросы углекислого газа в атмосферу. Были установлены специальные квоты и введены платежи за их превышение. Протокол вступил в силу. Однако его эффективность невелика главным образом из-за саботажа со стороны Соединенных Штатов, на долю которых приходится 43% общего объема выбросов.

Обратимся теперь к другому немаловажному последствию возрастающего негативного воздействия человеческого сообщества на окружающую среду.

Еще в XX веке человеческое сообщество вплотную столкнулось с угрозой дефицита невозобновляемых естественных ресурсов. Истощались и сокращались сельскохозяйственные угодья, прогрессировало опустынивание земель, мелели и загрязнялись реки. Все очевиднее становилась перспектива окончательной выработки необходимых для существования людей ископаемых.

Предостережений на этот счет делалось немало. Тем не менее продолжало доминировать представление, что последствия всего этого скажутся лишь в будущем, и всерьез заниматься ими предстоит последующим поколениям.

Успокоительно воздействовали на общественное сознание и надежды на дальнейший технологический прогресс. Безусловно, для таких

надежд имелись основания. Современное производство становится все менее материало- и энергоемким. Появились новые перспективы обращения к возобновляемым источникам энергии. На этой основе строились прогнозы, согласно которым зависимость человечества от исходных естественных ресурсов будет неизбежно ослабевать. Поэтому опасения, вызванные их оскудением, объявлялись по меньшей мере преувеличенными.

Между тем последующий ход событий внес в эти представления существенные коррективы. Действительно, технологический прогресс продолжает (и будет продолжать) снижать материало- и энергоемкость производимой продукции. Однако на общий баланс потребления естественных ресурсов, в том числе полезных ископаемых и энергии, сейчас в возрастающей степени влияют другие факторы. И их влияние диаметрально противоположно описанным прогностическим оценкам.

Решающую роль в этом сыграло интенсивное индустриальное развитие ряда государств, принадлежавших в свое время к так называемому «третьему миру». Основная цель этого развития – выход на масштабы производства и потребления, сопоставимые с теми, которые достигнуты наиболее развитыми странами. Но это, в свою очередь, резко увеличивает потребление материальных и энергетических ресурсов – тем более, что технологический уровень новых индустриальных государств не столь материало- и энергосберегающ, как в наиболее развитых странах. В результате спрос на естественные ресурсы на мировых рынках не только не сократился, но существенно вырос. Тем самым проблема их истощения не просто сохранилась в том виде, в каком существовала в XX веке, но приобрела новую, особую остроту.

Подсчитано, что если все страны мира поднимутся на уровень производства и потребления, уже достигнутый в Соединенных Штатах, то для этого потребуются материальные ресурсы по меньшей мере трех планет размером с нашу Землю. До этого, конечно, далеко. Но уже сейчас человечеству все заметнее не хватает многих жизненно важных ресурсов: земель сельскохозяйственного назначения, чистой воды, руд ряда цветных металлов, редкоземельных элементов и т. д.

Особенно остро ощущается надвигающийся дефицит энергетических ресурсов. Увеличение численности населения планеты и экономический рост, начавшаяся быстрая индустриализация крупнейших стран «третьего мира» привели к тому, что за истекшие полтора столетия мировое производство и, соответственно, потребление энергии возросло примерно в 17 раз, а на протяжении XX века – более чем в 9 раз. Аналогичный тренд продолжился в начале XXI века и, судя по всему, сохранится в ближайшие десятилетия.

Потребности мирового сообщества в энергии все еще удовлетворяются в основном за счет природного ископаемого топлива: нефти, газа и угля. В ближайшем будущем, видимо, несколько вырастет удельный вес атомной энергетики, хотя это сопряжено с возрастанием риска катастроф, подобных чернобыльской, и потому вызывает сопро-

тивление со стороны значительной части общественности. Что же касается новых способов производства чистой и экономически доступной энергии из возобновляемых источников, то, скорее всего, это дело сравнительно отдаленного будущего, поскольку наука пока не нашла ключ ко многим проблемам, возникшим на пути решения подобной задачи.

К началу XXI века баланс энергетических источников выглядел следующим образом: ископаемые виды энергии (нефть, газ и уголь) – 86%, ядерная энергия – 6,5%, возобновляемая энергия – 7,5%. Судя по имеющимся расчетам, на протяжении ближайшего десятилетия общий объем производимой энергии несколько вырастет, соотношения некоторых ее видов сдвинутся, однако принципиально картина не изменится. Между тем энергетические потребности существенно возрастут. И этот рост будет тем большим, чем интенсивнее энергоемкое производство будет перемещаться в развивающиеся страны. В целом дефицит энерго-ресурсов будет углубляться и, следовательно, вопросы их производства, транспортировки, распределения и продажи приобретут еще более важное значение.

Между тем в современном мире энергия не просто товар, предмет торга. Она – необходимое условие нормального развития экономики и жизнеобеспечения как отдельных стран, так и целых регионов. Не случайно в науке и политической практике получило право на существование понятие энергетической безопасности. И это не просто метафора, а реальная проблема, которая стала темой обсуждения на международных форумах самого высокого уровня.

Концепция энергетической безопасности базируется на понимании того, что мировой рынок энергетических ресурсов не должен уподобляться рынкам обычных товаров массового спроса. Преодоление энергетического дефицита требует международной кооперации и усилий всех заинтересованных стран – как производителей, так и потребителей энергии. Нужна межстрановая координация деятельности национальных энергетических систем, а при необходимости и совместное управление ими. В противном случае конкурентная борьба за право контроля над энергетическими ресурсами может стать причиной и источником новых мировых катаклизмов. И первые серьезные признаки этого уже налицо.

**Вторичные
противоречия
и угрозы**

Важнейшая форма проявления вторичных противоречий и угроз нового века – последствия прогрессирующей глобализации. Сегодня очевидно, что это объективный процесс, которому бессмысленно противодействовать. Уже на нынешнем этапе глобализация принесла с собой немало положительного. Углубление международного разделения труда обеспечило рост эффективности общественного производства и создало возможности для полноценного использования знаний и способностей человека. Несомненный позитив глобализации – широкое

распространение по миру передовых инновационных технологий. Глобализацией созданы возможности для быстрой передачи разнообразной информации.

Важно, однако, видеть и негативную сторону происходящего. Глобализация обостряет кризисные ситуации в самых различных сферах существования человеческого сообщества: экономической, социальной, политической и культурной. Не сбываются надежды тех, кто полагал, что она в конечном итоге приведет к всеобщему росту благосостояния и компенсирует первоначальные издержки. Это касается даже стран «золотого миллиарда», где на протяжении последних десятилетий сохранялась сравнительно стабильная экономическая и социальная обстановка.

Под воздействием глобализации заметно снизилась конкурентоспособность производимых в них товаров. Быстро поднять ее невозможно из-за высокой себестоимости, обусловленной большими социальными расходами. В результате капитал все активнее перемещается в регионы с дешевой рабочей силой. Это, естественно, ведет к уменьшению численности рабочих мест. Данный процесс дополнительно стимулируется внедрением новых трудосберегающих технологий. Следствием всего этого уже стала массовая безработица. В ряде экономически развитых стран она превысила уровень в 10% экономически активного населения. Конечно, социальные завоевания трудящихся этого региона частично амортизируют потери. Однако на протяжении последних лет на эти завоевания ведется настойчивое наступление. В результате начинает размываться утвердившаяся там общественно-политическая стабильность.

Еще важнее, однако, то, что социально-экономические проблемы развитых государств, порожденные глобализацией, не идут в сравнение с ее негативными последствиями для менее развитых стран. Среди них выделяются две основные подгруппы. Первую составляют наиболее очевидные «пасынки глобализации» – государства, отставание которых от «передовиков» не уменьшается, а порой даже увеличивается. Вторую – те страны, которым в последние десятилетия удалось набрать дополнительное ускорение и сократить дистанцию, отделявшую их от зоны «золотого миллиарда». Детальное описание ситуации, складывающейся в обеих подгруппах, вывело бы нас за пределы рассматриваемой темы. В данной связи достаточно отметить, что как в первой, так и во второй подгруппе негативные социально-экономические последствия со всей очевидностью превалируют над позитивными.

Особое место в складывающемся ландшафте занимают трансформирующиеся государства Восточной Европы и постсоветского пространства. Их динамика определяется в первую очередь внутренними событиями. Тем не менее глобализационные процессы во все большей степени влияют на экономическое и политическое развитие этих стран. Некоторые из них тяготеют к зоне «золотого миллиарда», хотя и существенно отстают по ряду показателей экономического развития и уров-

ня жизни. На других все еще заметно сказываются непреодоленные последствия системного кризиса, засилье бюрократических структур, высокий уровень коррупции, социальной дифференциации и массовой бедности. Этим обусловлены нарастающие темпы накопления протестного потенциала. Наиболее заметные его проявления – растущая ностальгия по патерналистским порядкам, всплеск национализма, ксенофобии и религиозного фундаментализма.

Крайне негативное воздействие на ситуацию во всех рассмотренных выше странах оказывает унификационный характер реализуемой модели глобализации, ее ориентация на внедрение ценностей лишь одной из существующих ныне цивилизаций – западной.

В целом очевидно, что от глобализации выиграли прежде всего экономически развитые страны и опирающиеся на них крупные финансово-промышленные комплексы. Проиграли же менее развитые государства, для которых движение, стимулированное глобализацией, обернулось материальными и социальными потерями.

Но это далеко не все. Еще задолго до XX века начало складываться основное внутреннее противоречие человеческого сообщества: между богатыми и бедными народами. Противоречие это всегда было относительным, поскольку на каждом из полюсов были свои богатые и бедные. Тем не менее, со всеми возможными оговорками, оно в целом отражало тот глубокий ров, который разделил в свое время человечество.

В XX веке это противоречие получило метафорическое наименование: проблема «Юг–Север». В рамках этого противоречия относительно благополучный «золотой миллиард» противостоял пяти миллиардам униженных и дискриминируемых в остальном мире. Таким разделенным человеческий род вступил в XXI столетие.

Глобализация углубила ров между «Югом» и «Севером». Согласно данным, поступающим из достоверных источников, разрыв в условиях существования соответствующих стран заметно возрос. Тем самым в огонь противоречий между ними была подброшена немалая толика дополнительного взрывчатого вещества.

Разумеется, любой глубокий экономический и общественно-политический сдвиг, затрагивающий большую часть человечества, связан с серьезными общественными издержками. Вопрос, однако, в том, насколько оправданы эти издержки, в какой мере они учитывают (или игнорируют) глубинные ценностные ориентации большинства людей и готово ли общественное сознание мириться с происходящим. То, что творится ныне в мире, создает впечатление, что в последние годы была нарушена некая невидимая граница, за которой общественное недовольство как фактор массового сознания трансформируется в действия. И это придает уже существовавшим противоречиям новое качественное содержание. Во-первых, они выходят на более высокий уровень и выражаются в более острых формах. Во-вторых, сублимируясь, они стали приобретать идеологический облик, что придает им дополнительную организованность и целеустремленность.

В последние десятилетия XX века левые ценности по ряду причин потеряли значительную часть прежней привлекательности. Поэтому важнейшим проявлением такой сублимации уже тогда стало повсеместное оживление и массовое распространение религиозного фундаментализма. В XXI веке этот процесс приобрел дополнительную динамику.

В принципе фундаментализм не чужд ни одной конфессии. Его нетрудно найти в лоне католической и протестантских церквей, среди православных, иудеев, буддистов и т. д. Тем не менее в нынешних условиях, говоря о религиозном фундаментализме, чаще всего имеют в виду ислам. В значительной степени это объясняется следующим:

Во-первых, многие исламские страны и, соответственно, мусульманские общины числятся среди главных жертв глобализационных процессов. С особой силой это ощущается там, где нет амортизирующих прокладок в виде богатых нефтяных месторождений или других естественных ресурсов.

Во-вторых, в отличие от ряда других конфессий, ислам – не просто религия, но исторически укоренившийся образ жизни. В подобной ситуации глобализационные импульсы неизбежно воспринимаются как покушение на религиозные постулаты. Соответственно, защита традиционных укладов приобретает религиозные формы. И чем сильнее потребность в такой защите, тем большее значение получают фундаментальные основы веры.

В-третьих, важным элементом исторического становления ислама были неоднократные военные столкновения с христианством. Из общественного сознания мусульман Ближнего Востока до сих пор не стерлись воспоминания о крестовых походах и «подвигах» крестоносцев. Это, в свою очередь, придает особую значимость фундаментальным ценностям в противодействии глобализации, которая нередко рассматривается как современный вариант «христианского натиска» на исламский образ жизни.

В-четвертых, фундаменталистские течения в исламе (особенно на Ближнем Востоке) подпитывает перманентно кровоточащий палестинско-израильский конфликт, воспринимаемый в арабском мире как производный от захватнической политики враждебного исламу христианского Запада. Такое восприятие подкрепляют выходки «христианских» фундаменталистов, охотно трактующих происходящее в духе извечного противостояния «добра» и «зла».

Не следует игнорировать и то, что активизация исламского фундаментализма вызвала, в свою очередь, серьезный всплеск христианского фундаментализма, для которого характерны многие общие черты, свойственные этому виду сознания. Все более очевидное противоборство двух фундаментализмов побудило некоторых аналитиков заговорить о возможности возгорания новой «холодной войны», на этот раз с иными участниками. Подобная постановка вопроса представляется чрезмерно радикальной, однако некоторые основания для нее все же имеются. Бо-

лее того, налицо определенные признаки того, что нарастающее противостояние конфессий чревато не только «холодными», но и «горячими» элементами.

Разумеется, в целом фундаментализм вовсе не аналогичен радикализму. В его рамках существуют многочисленные умеренные течения. Однако по мере обострения противоречий на передний план выдвигаются наиболее экстремистские фракции. Активизация международного терроризма, от которого страдает сейчас человечество, – одно из проявлений этого процесса.

Возможно ли в сложившихся условиях успешно противостоять терроризму или человечество отныне обречено жить бок о бок с его растущей угрозой? Ответ на этот вопрос может быть найден лишь в ходе практической борьбы с наиболее уродливыми порождениями нынешней глобализационной модели.

Пока реакция на всплеск международного терроризма свелась к силовым акциям полицейского типа. Без них не обойтись, ибо государственные институты обязаны обеспечивать безопасность своих граждан, а следовательно – давать решительный отпор силам, создающим угрозу их жизни и имуществу. Вместе с тем нужно отдавать себе отчет, что ориентация на одни лишь полицейские акции иррациональна. Если явление имеет глубокие социальные корни, простым силовым воздействием с ним не справиться.

Исключительная ориентация на силовые приемы опасна и по другой причине. Понятия «террор» и «терроризм» весьма неопределенны. Их можно трактовать по-разному, насыщая различным содержанием. Неограниченное применение силы, тем более за пределами государственных границ, чревато попытками использовать создавшуюся ситуацию для решения совсем иных, как внутренних, так и внешнеполитических проблем, опираясь на заведомо расширенную трактовку терроризма. А это, в свою очередь, может создать ситуацию, еще более опасную для судеб человечества, чем нынешняя.

Ограничить террористическую активность и, в конечном счете, свести ее на нет можно, только устранив социальные и политические причины, служащие ей питательной почвой. До тех пор, пока этого не произошло, всплески терроризма не только не потеряют своего динамизма, но будут продолжаться с нарастающей силой, распространяясь на все новые территории.

Конечно, протестный потенциал, стимулируемый глобализацией, не исчерпывается описанной выше формой массовой реакции. Палитра общественного поведения массовых групп населения многоцветна. Во многих странах, особенно с давними, укоренившимися демократическими традициями, недовольство негативными последствиями глобализации реализуется на электоральном уровне – через отказ в доверии политическим силам, всецело ориентированным на глобализационные процессы и забывающим о национальных, государственных интересах. Растет сопротивление чересчур активному стимулированию интегра-

ционных усилий, в том числе расширению компетенций наднациональных институтов. В ряде случаев такое сопротивление рационально обоснованно или даже неразумно. Но оно сигнализирует о крайней болезненности нынешней модели глобализации.

Существует, как известно, массовое движение иноглобалистов, которое, нередко не очень точно именуют антиглобалистским. Однако, поскольку угроза этого движения миропорядку на нынешнем этапе не очень значительна, подробное рассмотрение этой формы реакции на издержки глобализации выведено за рамки рассмотрения заявленной темы.

К числу вторичных противоречий и угроз XXI века можно с полным основанием отнести также массовую миграцию, грозящую ныне вылиться в новое Великое переселение народов.

Сама по себе миграция – феномен, неразрывно связанный с развитием человеческого сообщества. Она играла важную роль в процессе формирования первичных этнических общностей, становления античных и средневековых империй, возникновения нынешних наций. На базе миграции сложились такие крупные современные державы, как Соединенные Штаты Америки, Канада и Австралия. Весьма значительным был ее вклад в национальное становление государств Латинской Америки. И все это происходило не только в далеком прошлом. В XX веке с интенсивными потоками мигрантов пришлось иметь дело прежде всего Европе.

Однако во всей своей остроте проблема обрисовалась лишь в последние десятилетия XX века, когда в развитые страны, прежде всего Западной Европы, хлынули мощные потоки выходцев из наиболее бедных и неблагополучных стран, в первую очередь Азии и Африки.

У этих потоков были свои объективные причины. Немалую роль сыграли описанные выше первичные противоречия – особенно последствия возросшего давления на окружающую среду. Рост населения, дефицит естественных источников существования, прогрессирующее разложение традиционных общественных и экономических структур резко усилили процесс выдавливания «избыточного населения» из стран, не входящих в зону «золотого миллиарда».

Направленность возникшего на этой основе потока с самого начала определялась разрывом в уровнях жизни – от низкого к более или менее высокому. Свой вклад в стимулирование данного процесса внесла и глобализация. Различия в образе и уровне жизни в богатых метрополиях и на экономически отсталой, неблагополучной периферии всегда были значительны. Однако раньше полное представление об этом было доступно немногим. Бурное развитие средств информации, их неудержимое проникновение в самые отдаленные уголки земного шара не только продемонстрировали глубину рва, разделяющего условия существования в богатых странах и во всем остальном мире, но и как бы придали осязаемый характер возможности приобщиться к этим условиям, всего лишь преодолев территориальный барьер. Реализации

этих устремлений способствовали качественное совершенствование транспортных средств, сделавшее такой «прыжок» не просто теоретически возможным, но и сравнительно доступным, а также либеральное иммиграционное законодательство многих развитых и богатых стран, принятое в первые послевоенные десятилетия под воздействием возросшей заинтересованности в пополнении своих рынков труда, испытывавших тогда (и в какой-то степени до сих пор) существенные трудности в связи с прогрессирующим старением населения.

Со временем все это создало принципиально новую ситуацию. Иммиграция стала выходить далеко за регулируемые пределы. В ряде случаев ее масштабы существенно превзошли реальные возможности соответствующих стран. Объектами притяжения нелегальных иммигрантов стали практически все европейские государства, как импортеры, так и недавние экспортеры рабочей силы. Попытки ограничить иммиграционные потоки привели к резкому увеличению нелегальной иммиграции. Сейчас нелегальный поток иммигрантов по количественным показателям вполне сопоставим со всеми остальными видами миграции, вместе взятymi.

Проблема, однако, не исчерпывается ростом количественных показателей. Рост нелегальной иммиграции способствует ее активному сращиванию с организованной преступностью. Не меньшее значение имеет и то, что в потоке новых иммигрантов существенно возросла доля выходцев из стран с компактным мусульманским населением, принесших с собой менталитет, образ жизни и систему ценностей, с большим трудом стыкующихся с менталитетом, образом жизни и системой ценностей подавляющего большинства коренного населения Европы. Опыт пребывания этих иммигрантов в развитых странах убедительно показал, насколько трудна для них даже поверхностная адаптация к новым условиям жизни. Эти трудности в значительной мере обостряются благодаря тому, что среди иммигрантов-мусульман широко представлены выходцы из сельской глубинки, непривычные к городской жизни, не имеющие даже первичного образования и примитивной профессиональной подготовки. Это, с одной стороны, существенно затрудняет их адаптацию к новым условиям жизни, и без того сложную для иммигрантов, с другой, возводит дополнительные барьеры для их использования даже на не очень квалифицированной работе. Тем самым возникают дополнительные условия для постоянного пребывания этой категории лиц на социальном дне общества.

Все это существенно воздействует на изменение культурно-цивилизационной и общественно-политической ориентации новых иммигрантов. В отличие от своих предшественников, они в большинстве своем не стремятся слиться с окружением, овладеть языком страны пребывания, принять утвердившиеся в ней обычаи, образ жизни, культуру.

В некоторых из стран, ставших своего рода резервуаром для иммиграционных потоков, возникли целые анклавы, в которых вновь прибывшие начали составлять большинство населения. Тем самым пре-

жня проблема адаптации и интеграции чужестранцев в соответствующее сложившееся общество превратилась в совсем другую – сосуществования коренного населения с вновь образовавшимся национальным меньшинством.

Разумеется, данная тенденция не является единственной. Существует и иная, более традиционная, действующая по принципу «плавильного котла». Однако она со временем все заметнее отходит на второй план.

Сеть этнических анклавов представляет собой своего рода систему городских деревень, которая, как свидетельствуют результаты многочисленных социологических изысканий, затрудняет интеграцию в принимающее общество, способствуя консервации национальных традиций, обычаев, стереотипов и т. д. Она чаще всего не только не нейтрализует, но, напротив, стимулирует компоненты национального (цивилизационного) самосознания.

Этнические анклавы представляют собой постоянный источник напряженности, способный в любое время дать очередную вспышку. Их обитатели образуют сейчас наиболее предрасположенную к активному протесту категорию маргинального населения. Они не только сами противостоят традиционной политической культуре, но и воздействуют на другие социальные группы. Преступность во всех ее формах и проявлениях стала настоящим бедствием как для самих этих анклавов, так и для прилегающих к ним территорий.

Оценка ситуации, обусловленной процессами, описанными выше, в решающей степени зависит от оценки их перспективы. Если рассматривать нынешний всплеск иммиграции, важнейшую часть которой составляют мусульмане, как временное явление и предположить, что в обозримом будущем она неизбежно пойдет на спад (на что рассчитывают некоторые специалисты), то можно сделать ставку на то, что большинству развитых стран рано или поздно удастся справиться с его последствиями в результате постепенной, поэтапной ассимиляции приезжих. Однако это предположение покоится на шатких основах. Несмотря на неравномерность иммиграционного бума, которую фиксирует статистика, наиболее обоснованные прогнозы его развития рисуют иную, менее утешительную картину. Объективные обстоятельства, отмеченные выше, судя по всему, продолжают стимулировать иммиграционные потоки. И их основу, как и ныне, будут составлять мусульмане.

Это, в свою очередь, не может не сказаться на настроениях автохтонного населения. Уже сейчас непосредственным результатом очередной иммиграционной волны стало явно настороженное отношение многих коренных граждан к «чужакам». В ряде случаев оно перерастает в нетерпимость, проявляясь не только в быту, но и на общественном поле. Доля граждан, выражающих враждебность к иммигрантам, растет на глазах. В ряде случаев она приобретает четко выраженный конфессиональный (антиисламский) характер. Непосредственное следствие этого – повсеместное усиление позиций праворадикальных политических

партий, взявших на вооружение постулаты этнонационализма. Отсюда мощные дополнительные импульсы, подпитывающие противостояние фундаментализмов, о котором уже шла речь выше.

Третичные противоречия и угрозы

Среди третичных противоречий и угроз XXI века наиболее заметное место занимают неправильная трактовка процессов, происходящих в современном мире, и основанная на них политическая практика сил, оказывающих определяющее влияние на отношения между народами, а следовательно, и на ситуацию в мировом социуме.

Последняя четверть прошлого столетия породила большие надежды на серьезное оздоровление международных отношений. Появились первые ростки принципиально новой модели мирового порядка, основанной на приоритете общечеловеческих интересов и ценностей. Был положен конец «холодной войне», реализованы широкомасштабные программы ограничения вооружений. В ряде документов международного значения нашел подтверждение и дальнейшее развитие тезис о необходимости перехода от силовой политики в отношениях между государствами и народами к политике доверия и кооперации. Однако вскоре движение в этом направлении застопорилось. Более того, наметились явные признаки регресса.

Ситуация в сфере международных отношений определяется ныне следующим коренным противоречием:

С одной стороны, перед человечеством со всей очевидностью встала проблема создания принципиально нового мирового порядка, который отвечал бы возросшему уровню взаимозависимости народов и государств. С другой, этот уровень размывается под воздействием совокупности дестабилизирующих факторов. Взаимозависимость интенсивно подпитывается глобализационными процессами, а дестабилизация – углублением разрыва в условиях существования народов и их растущим сопротивлением унификационным тенденциям.

Оказалось, что на поведение субъектов мировой политики по-прежнему сильно воздействуют партикуляризм и эгоизм, имеющие глубокие социокультурные корни. Следовательно, пока национально-государственные и корпоративные интересы не укладываются в общечеловеческие рамки. Да и само определение этих рамок остается сферой противоборства идеологических, политических и экономических интересов.

В результате вместо нового миропорядка, которого требует ситуация, человечество столкнулось с повсеместной дестабилизацией международных отношений. В практике ряда государств взяла верх ориентация на насилие как наиболее эффективную форму решения внешнеполитических противоречий. То здесь, то там вспыхивают силовые конфликты. Ограничение вооружений, характерное для последних десятилетий прошлого века, сменилось новым циклом их гонки. Происходит ползучее распространение ядерного оружия. Повсеместно попирается

международное право. Углубляется кризис международных институтов, призванных служить инструментом мира и сотрудничества.

Весьма показательно в этом смысле поведение Соединенных Штатов, выступающих после раздела Советского Союза в роли единственной супердержавы. Добиваясь гегемонии в мировой политике, они всячески пытаются сформировать модель моноцентричного мира. В основе этой модели лежит принцип предельно централизованного миропорядка, своего рода пирамиды, на вершине которой восседают они сами.

При этом полностью игнорируется то обстоятельство, что в перспективе модель моноцентричного мирового порядка обречена. Одна сверхдержава, какой бы мощью ни обладала, не в состоянии справиться с объемом и сложностью глобальных экономических, социальных и политических проблем. Помимо этого, такую модель не примет мировое сообщество.

Пытаясь искусственно унифицировать человечество, США уже противопоставили себя большинству стран мира, втянули многих своих партнеров в военные авантюры, чреватые политической и экономической дестабилизацией мира. Поскольку в обстановке глобального неравенства и обусловленных им противоречий моноцентричная модель не может не быть авторитарно-иерархической, сам факт ее существования вызывает недовольство и отпор.

О дестабилизирующем воздействии на международные отношения глобального противостояния фундаментализмов уже говорилось выше.

Нередко нынешнюю дестабилизацию мирового порядка пытаются обосновать, используя специально сконструированные для ее оправдания псевдотеоретические построения. Заметное место в их числе занимают настойчиво навязываемые сейчас человечеству концепции-близнецы: «размывания суверенитета» и «гуманитарной интервенции».

В основе первой лежит утверждение, согласно которому глобализация во все большей степени сводит на нет значение общенациональной идентичности. Этот процесс будто бы развивается с нарастающей силой и вскоре окончательно сметет и государственную обособленность, и гарантирующие ее государственные границы. На этом фоне ориентацию на государственный суверенитет и склонность национальных сообществ сберечь устоявшийся образ жизни, языковую и культурную самобытность следует рассматривать как проявление отсталости. Соответствующим образом надлежит оценивать и категорию национального интереса. В тех случаях, когда ее кладут в основу политики, за этим якобы скрываются либо групповой эгоизм, либо непроходимая провинциальность.

Не трудно представить себе, что в действительности стоит за этими утверждениями. Подспудно имеется в виду, что поступиться суверенитетом должны не все, а лишь «менее значимые», «менее продвинутые»

страны. О том, что подобная «трансформация» может быть распространена на Соединенные Штаты или Китай, не идет и речи. Следовательно, суть дела сводится к расчищению юридического поля для наиболее сильных и амбициозных игроков на мировой арене. Таким образом, умаление значимости государственного суверенитета (а тем более его игнорирование) оборачиваются на практике нарушением важнейших принципов международного права, регулирующих отношения между независимыми странами, и наделением «продвинутых государств» неограниченным правом по своему усмотрению вершить дела человечества.

Согласно второй концепции, на нынешнем этапе глобализации у таких государств есть не только право, но и моральная обязанность внимательно наблюдать за положением в других, «менее продвинутых» странах, при необходимости вмешиваясь в их дела, в том числе и с применением вооруженной силы. Разумеется, вполне возможна ситуация (гражданская война, распад управленческих структур и полный хаос), при которой внешнее вмешательство – включая силовое – может оказаться благом или хотя бы меньшим злом. Но этот вариант, чтобы не вступать в противоречие с международным правом, должен рассматриваться как чрезвычайный и осуществляться только с санкции Совета Безопасности ООН. Если же возводить «гуманитарное вмешательство» в принцип международного права, как того добиваются некоторые его сторонники, оно превращается в индульгенцию для произвола сильных по отношению к слабым ради собственных эгоистических интересов или идеологических целей. Неудивительно, что в государствах неевропейских цивилизационных зон упомянутые концепции воспринимаются как форма морального и политического оправдания геополитической экспансии и насильственного навязывания иноземного господства.

Подобной оценке способствует также и своеобразная практика последнего времени, прежде всего такой феномен конца XX – начала XXI в., как серия странных, так называемых «цветных» революций.

Спор о том, настоящие они или нет, схоластичен и не заслуживает затрачиваемых на него усилий. Они такие, какие есть, – непохожие на то, что понималось под революциями в прошлом. Это, однако, не освобождает от необходимости разобраться в их сути – причинах, движущих силах, установках и результатах.

Типической модели «цветных революций» присущи следующие характеристики.

Основной их целью является замена одной фракции правящей элиты другой – более приемлемой для потенциальных спонсоров. Предпосылкой осуществления выступают высокий уровень общественного недовольства, слабость и коррумпированность политической власти, ее отчужденность от общества, серьезный раскол в рядах властвующей элиты, исключаяющий ее солидарные действия, наличие в стране влиятельной политической силы, готовой предложить обществу убедитель-

ную (пусть в действительности и мнимую) альтернативу, а также достаточно «раскрученного» харизматического лидера, способного эту альтернативу олицетворить.

В качестве благоприятных внешних факторов, способствующих реализации этой модели, рассматриваются, с одной стороны, дестабилизация миропорядка, о которой уже шла речь выше, с другой – возросшие благодаря глобализации возможности воздействия заинтересованных держав на внутреннее развитие избранных для соответствующей трансформации стран путем формирования ценностных установок оппозиционного актива, обеспечения его материальными ресурсами, создания соответствующей идеологической атмосферы, а также дипломатической и, в случае необходимости, силовой поддержки приведенного к власти нового режима. При этом модель «цветных революций», как правило, предусматривает в качестве наиболее эффективного средства реализации использование неконституционного давления на существующие властные структуры, не исключая силового воздействия.

Как известно, описанный выше способ достижения поставленной цели был неоднократно, хотя и с переменным успехом, опробован на постсоветском пространстве. Однако поскольку схожие предпосылки складываются сегодня и за его пределами, правомерно предположить, что аналогичные сценарии могут быть воспроизведены и в других регионах. В этом случае человечеству придется иметь дело с еще большей нестабильностью, тем более что обращение к неправым, насильственным способам решения политических проблем и противоречий, свойственное «цветным революциям», – вещь заразительная, о чем убедительно свидетельствует и давний, и недавний опыт.

Выше были рассмотрены далеко не все противоречия и угрозы, с которыми придется иметь дело современникам XXI века. Но и сказанного, как представляется, достаточно, чтобы убедиться в серьезности ситуации. Разумеется, пока речь идет лишь о тенденциях. Они могут реализоваться с большей или меньшей силой. Сегодня трудно судить, с какими «непредвидимыми переменными» придется иметь дело и как они скажутся на тенденциях, четко проявившихся в начале века. Нельзя исключать того, что человечество сумеет найти силы и возможности, чтобы минимизировать названные выше противоречия и угрозы, и, быть может, даже средства их полного преодоления. Но для этого необходимо хотя бы иметь ясное представление о том, с чем нам придется столкнуться и к чему следует готовиться.